

Я сижу в своем саду. Горит светильник. Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых. Вместо слабых мира этого и сильных — лишь согласное гуденье насекомых.

Иосиф Бродский

1. РУССКИЙ ЛЕС

Главный корпус пансионата, наполовину скрытый старыми тополями и кипарисами, был мрачным серым зданием, как бы повернувшимся к морю задом по команде безумного Иванушки. Его фасад с колоннами, потрескавшимися звездами и навек согнутыми под гипсовым ветром снопами был обращен к узкому двору, где смешивались запахи кухни, прачечной и парикмахерской, а на набережную выходила массивная стена с двумя или тремя окнами. В нескольких метрах от колоннады поднимался бетонный забор, по которому уходили вдаль поблескивающие в лучах заката трубы теплоцентрали. Высокие торжественные двери, скрытые в тени опирающегося на колонны циклопического балкона (скорее даже террасы), были заперты так давно, что даже щель между ними исчезла под несколькими слоями спекшейся краски, и двор обычно пустовал — только иногда в него осторожно протискивался грузовик, привозивший из Феодосии молоко и хлеб.

Но в этот вечер во дворе не было даже грузовика, поэтому гражданин, облокотившийся на лепное ограждение балкона, не был виден никому, кроме, может быть, пары патрульных чаек, белыми точками плывших в небе. Гражданин глядел вниз и вправо, на ма-

ленький домик лодочной станции, под крышей которого помещалась воронка репродуктора. Шумело море, но, когда ветер начинал дуть в сторону пансионата, можно было разобрать обрывки обращенных к пустому пляжу радиопредложений.

— ...вовсе не одинаковы, не скроены по одному и тому же шаблону...

— ...создал нас разными — не часть ли это великого замысла, рассчитанного, в отличие от скоротечных планов человека, на многие...

— ...чего ждет от нас Господь, глядящий на нас с надеждой? Сумеет ли мы воспользоваться его даром?..

— ...он сам не знает, как проявят себя души, посланные им на...

Долетели звуки органа. Мелодия была довольно величественной, только время от времени ее прерывало непонятное «умпс-умпс»; впрочем, особенно вслушаться не удалось, потому что музыка играла очень недолго и снова сменилась голосом диктора:

— Вы слушали передачу из цикла, подготовленного специально для нашей радиостанции по заказу американской благотворительной организации «Вавилонские реки»... по воскресеньям... по адресу: «Голос Божий», Блисс, Айдахо, США.

Репродуктор смолк, и мужчина загнул указательный палец.

— Ага, — пробормотал он, — сегодня воскресенье. Значит, танцы будут.

Выглядел он странно. Несмотря на теплый вечер, на нем были серая тройка, кепка и галстук (почти так же был одет стоявший внизу небольшой южный Ленин, по серебристое лоно увитый виноградом). Но

мужчина, судя по всему, не страдал от жары и чувствовал себя вполне в своей тарелке. Иногда только он поглядывал на часы, оглядывался и что-то укоризненно шептал.

Репродуктор несколько минут шипел вхолостую, а потом мечтательно заговорил по-украински. Тут мужчина услышал за спиной шаги и обернулся. По балкону к нему шли двое. Первым шагал низенький толстяк в белых шортах и пестрой майке. Следом шел иностранец в панаме, легкой рубашке и светлых бежевых штанах, с большим обтекаемым кейсом в руке. То, что это иностранец, было ясно не столько по одежде, сколько по хрупким очкам в тонкой черной оправе и по нежному загару того особого набоковского оттенка, которым кожа покрывается исключительно на других берегах.

Мужчина в кепке показал пальцем на свои часы и погрозил толстяку кулаком, на что тот ответил криком:

– Спешат! Врут все!

Сойдясь, они обнялись.

– Привет, Арнольд.

– Здравствуй, Артур. Знакомьтесь, – толстяк повернулся к иностранцу, – это Артур, о котором я вам рассказывал. А это Сэмюэль Саккер. Говорит по-русски.

– Просто Сэм, – сказал иностранец, протягивая руку.

– Очень приятно, – сказал Артур. – Как добрались, Сэм?

– Спасибо, – ответил Сэм, – нормально. А что тут у вас?

– Все как обычно, – сказал Артур. – Вы себе представляете ситуацию в Москве, Сэм? Считайте, тут то же самое, только несколько больше гемоглобина

и глюкозы. Ну и витаминов, конечно, — корм тут хороший, фрукты, виноград.

— И потом, — добавил Арнольд, — насколько мы знаем, вы на Западе просто задыхаетесь от различных репеллентов и инсектицидов, а наша упаковка экологически абсолютно чиста.

— А санитарно?

— Простите?

— Санитарно она чиста? Вы ведь про кожу? — сказал Сэм.

Арнольд несколько смутился.

— Н-да, — нарушил Артур неловкую паузу. — Вы к нам надолго?

— Дня, думаю, на три-четыре, — ответил Сэм.

— И вы успеете за это время провести маркетинг?

— Я бы не стал употреблять слово «маркетинг». Просто хочу набраться впечатлений. Составить, так сказать, общее мнение, насколько целесообразно развивать здесь наш бизнес.

— Отлично, — сказал Артур. — Я уже наметил несколько образцов, которые в достаточной степени репрезентативны, и, думаю, завтра с утречка...

— О нет, — сказал Сэм. — Никаких потемкинских деревень. Я предпочитаю двигаться наугад. Как ни странно, при этом получаешь самое верное представление о ситуации. И не завтра с утра, а прямо сейчас.

— Как? — ахнул Артур. — А отдохнуть? Выпить с дорожки?

— Действительно, — сказал Арнольд, — лучше бы завтра. И по нашим адресам. А то у вас сложится искаженное представление.

— Если у меня сложится искаженное представление, у вас будет достаточно времени, чтобы его исправить, — ответил Сэм.

Уверенным спортивным движением он вскочил на перила балкона и сел, свесив в пустоту ноги. Двое остальных, вместо того чтобы удержать его, влезли на ограждение сами. Артур проделал эту операцию без труда, а Арнольду она удалась только со второй попытки, и сел он не так, как первые двое, а спиной ко двору, словно для того, чтобы голова не кружилась от высоты.

— Вперед, — сказал Сэм и прыгнул вниз.

Артур молча последовал за ним. Арнольд вздохнул и спиной вперед повалился следом, как аквалангист, опрокидывающийся в море с борта лодки.

...Окажись у этой сцены свидетель, он, надо полагать, перегнулся бы через перила, ожидая увидеть внизу три изувеченных тела. Но он не увидел бы там ничего, кроме восьми небольших луж, расплюсченной пачки от сигарет «Приморские» и трещин на асфальте.

Зато если бы он обладал нечеловечески острым зрением, то смог бы разглядеть вдалеке трех комаров, улетающих в сторону скрытого за деревьями поселка.

Что почувствовал бы этот воображаемый наблюдатель и как бы он поступил — растерянно полез бы вниз по ржавой пожарной лестнице, единственному пути, ведущему прочь с давно и наглухо заколоченной террасы, или — кто знает? — ощутив в своей душе новое неведомое чувство, сел бы на серое лепное ограждение и повалился бы следом за тремя собеседниками? Не

знаю. Да и вряд ли кто-нибудь знает, как поступил бы тот, кто на самом деле не существует, но зато обладает нечеловечески острым зрением.

Отлетев на несколько метров от стены, Сэм оглянулся на компаньонов. Артур с Арнольдом превратились в небольших комаров характерного цвета «мне избы серые твои», когда-то доводившего до слез Александра Блока; теперь они с мутной завистью глядели на своего спутника, покачиваясь в потоке воздуха, восходящем от нагретой за день земли.

Только неудобное устройство ротовых органов удержало Сэма Саккера от самодовольной гримасы. Он выглядел совсем иначе: он был светло-шоколадной раскраски, с изящными длинными лапками, поджарым брюшком и реактивно скошенными назад крыльями; если изменившиеся лица Артура и Арнольда заканчивались толстым штырем, похожим не то на иглу титанического шприца, не то на измеритель скорости на носу реактивного истребителя, то губы Сэма элегантно вытягивались в шесть тонких упругих отростков, между которыми торчал длинный острый хоботок, — словом, понятно, как выглядел москит-кантатор рядом с двумя простыми русскими насекомыми. К тому же Артур с Арнольдом летели каким-то бабьим брассом, а движения крыльев Сэма скорее напоминали баттерфляй, поэтому двигался он намного быстрее и ему даже иногда приходилось зависать в воздухе, чтобы подождать спутников.

Летели молча. Сэм описывал широкие круги вокруг Артура и Арнольда, которые угрюмо посматривали на его эволюции; особенно плохо было Арнольду, кото-

рого тянула к земле поблескивавшая в его брюхе рубиновая капля. Куда летел Сэм, было непонятно — он выбирал дорогу по ему одному известным приметам, несколько раз поворачивал и менял высоту, зачем-то влетел в окно, промчался по длинному пустому чердаку и вылетел с другой стороны; наконец навстречу поплыла белая стена с окном в синей раме, и все вокруг накрыла густая тень росших вокруг дома груш. Сэм снизился, подлетел к невысокому окну, затянутому белой марлей, и приземлился на криво прибитую доску, служившую карнизом. Артур с Арнольдом сели рядом. Как только стих тонкий звон крыльев, перекрывавший почти все остальные звуки, стал слышен доносящийся из-за марли храп.

Сэм вопросительно посмотрел на Артура.

— Тут дырка должна быть в углу, — шепотом сказал тот. — Обычно наши делают.

Дырка оказалась узкой щелью между рамой и марлей. Артур с Сэмом протиснулись в нее без особого труда, а у Арнольда возникли проблемы с брюхом; он долго сопел и отдувался и пролез только тогда, когда спутники втянули его внутрь за лапки.

В комнате было темно; пахло одеколоном, плесенью и потом. В центре размещался большой стол, покрытый клеенкой; рядом стояли кровать и тумбочка, на которой блестел ровный ряд граненых флаконов. На кровати, в ворохе скомканных простыней, лежало полуобнаженное тело, свесившее одну синюю трикотажную ногу к полу. Оно содрогалось в спазмах беспокойного сна и, естественно, не заметило появления на тумбочке недалеко от своей головы трех комаров.

— Что это у него за татуировка? — тихо спросил Сэм, когда его глаза привыкли к полумраку. — Ну, Ленин и Сталин — это понятно, а почему снизу написано «лорд»? Это что, местный аристократ?

— Нет, — ответил Артур. — Это аббревиатура. «Лега-вым отомстят родные дети».

— Он ненавидит собак?

— Понимаете, — снисходительно ответил Арнольд, — это сложный культурный пласт. Если я сейчас начну давать объяснения, мы буквально утонем. Давайте лучше, раз уж прилетели, брать пробу, пока материал спит.

— Да-да, — сказал Сэм. — Вы совершенно правы.

Он взмыл в воздух и после грациозного иммельмана над лежащим приземлился на участок тонкой и нежной кожи возле уха.

— Арнольд, — восхищенно прошептал Артур, — ну и ну... Он же беззвучно летает.

— Америка, — констатировал Арнольд. — Ты лети присмотри за ним, а то мало ли.

— А ты?

— Я здесь подожду, — сказал Арнольд и похлопал себя лапкой по брюху.

Артур взлетел и, стараясь звенеть по возможности тише, подлетел к Сэму. Тот пока еще не делал лунки и сидел на буграх кожи, между которыми торчали волосы, походившие на молодые березки.

Сэм встал, прислонился к одной из березок и задумчиво уставился на далекие холмы сосков в густых рыжих зарослях.

— Знаете, — сказал он, когда Артур приземлился рядом, — я много путешествую, и что меня всегда пора-

жает, это уникальная неповторимость каждого пейзажа. Я недавно был в Мексике — конечно, не сравнить. Такая богатая, знаете, щедрая природа, даже слишком щедрая. Бывает, чтобы напиться, долго бредешь сквозь грудной чапараль, пока не находишь подходящего места. Ни на миг нельзя терять бдительности — с вершины волоса на тебя может напасть дикая вша, и тогда...

— А что, вша может напасть? — недоверчиво спросил Артур.

— Видите ли, мексиканские вши очень ленивые, и им, конечно, легче высосать кровь из тонкого комариного брюшка, чем добывать пищу честным трудом. Но они очень неповоротливы, и, если вша нападает, обычно все же успеваешь взлететь. А в воздухе может сбить блоха. Словом, это суровый мир, жестокий, но в то же время прекрасный. Я, правда, больше люблю Японию. Знаете, эти длинные желтые пространства, почти лишенные растительности, но все же не похожие на пустыню. Когда смотришь на них с высоты, кажется, что попал в глубокую древность. Но все это, конечно, надо видеть самому. Ничего нет красивее японских ягодич, когда их чуть золотит первый рассветный луч и обдувает тихий ветер... Боже, как прелестна бывает жизнь!

— А здесь вам нравится?

— Каждый пейзаж имеет свое очарование, — уклончиво ответил Сэм. — Я бы сравнил эти места (он кивнул головой в сторону нависшего над шеей уха) с Канадой в районе Великих Озер. Только здесь все ближе к неосвоенной природе, все запахи естественные... — он ткнул лапкой в основание волоса, — мы ведь и забыли, как она пахнет, мать сыра кожа...

По интонации, с которой Сэм произнес последние слова, Артур понял, что тот щеголяет знакомством с русской идиоматикой.

— В общем, — добавил Сэм, — разница примерно как между Японией и Китаем.

— А вы и в Китае бывали? — спросил Артур.

— Приходилось.

— А в Африке?

— Сколько раз.

— Ну и как?

— Не могу сказать, чтобы мне особо понравилось. Такое ощущение, что попадаешь на другую планету. Все черное, мрачное. И потом — поймите меня правильно — я не расист, но местные комары...

Артур не нашел, о чем еще спросить, и Сэм, вежливо улыбнувшись, приступил к работе. Выглядело это непривычно. Он отогнул боковые отростки, его острый хоботок с невероятной скоростью завибрировал и, словно нож в колбасу, погрузился в почву у основания ближайшей березки.

Артур тоже собирался напиться, но, представив себе, как его грубый и толстый нос будет с хрустом входить в неподатливую кожу, застеснялся и решил подождать. Сэм ухитрился попасть в капилляр с первой попытки, и теперь его брюшко из коричневого постепенно делалось красноватым.

Поверхность под ногами дрогнула, донеслось тихое мычание выдоха — Артур был уверен, что тело сделало это по своим внутренним причинам, без всякой связи с происходящим, но все же ему стало чуть не по себе.

— Сэм, — сказал он, — сворачивайтесь. Тут вам не Япония.

Сэм не обратил на его слова никакого внимания. Артур поглядел на него и вздрогнул. Пушистое рыльце Сэма, минуту назад бывшее осмысленным и интеллигентным, странно исказилось, а выпуклые волосатые глаза, обведенные похожей на оправу тонкой черной линией, перестали выражать вообще что-либо, словно из зеркала души превратились в две угасшие фары. Артур приблизился и слегка толкнул Сэма.

– Эй, – настойчиво сказал он, – пора.

Сэм никак не отреагировал. Тогда Артур толкнул его сильнее, но тот словно врос в почву. Его брюшко продолжало надуваться. Вдруг тело под ногами заворочалось и издало хриплый рык. Артур в панике подпрыгнул и заорал что было мочи:

– Арнольд! Сюда!

Но Арнольд, встревоженный суетой и криками, уже подлетал сам.

– Что ты звенишь на всю комнату? Что случилось?

– Что-то с Сэмом, – отвечал Артур, – его, по-моему, парализовало. Никак растолкать не могу.

– Давай его под крылья. Ага, вот так. Осторожно, ты ему на лапку наступил. Сэм, лететь можете?

Сэм слабо кивнул. Кожа, на которой они стояли, затряслась и стала крениться вправо.

– Быстро вверх! Он встает! Сэм, машите крыльями, потом поздно будет! – кричал Артур, поддерживая погруневшее туловище Сэма и еле успевая уворачиваться от его крыльев, бессмысленно ходящих взад-вперед.

Наконец кое-как удалось сесть на тумбочку. Тело поднялось с кровати, нависло над комарами, и в страшной тишине из-под потолка на них черной тенью понеслась огромная ладонь. Когда Артур с Арнольдом уже

собирались швырнуть Сэма навстречу судьбе и взмыть в разные стороны, ладонь изменила направление, метко схватила один из стоящих на тумбочке флаконов и исчезла вверх; раздался далекий рев пружин; тело опять закачалось на койке.

— Артур, — тихо спросил Арнольд, — ты не знаешь, что в этих флаконах?

— А это лес, — вдруг сказал Сэм. — Русский наш лес.

— Какой лес?

— Кипр шипр, — непонятно отозвался Сэм.

— Сэм, вы в порядке? — спросил Арнольд.

— Я? — зловеще усмехнулся Сэм. — Я-то в порядке. А вот с вами порядок мы еще наведем...

— Надо его на воздух быстрее, — озабоченно сказал Артур.

Арнольд кивнул и попытался поднять Сэма, но тот хлестнул его крылом по рылу, взмыл в воздух, понесся к окну и с невероятной ловкостью проскочил сквозь узкую щель между рамой окна и марлевым экраном, за которым уже синели сгустившиеся южные сумерки.

...Утро следующего дня было тихим. Сползающий с гор туман затекал в кипарисовые аллеи, и сверху казалось, что под его поверхностью, рассеченной параллельными зелеными дамбами, нет никакого дна, а если и есть, то очень далеко. Редкие прохожие казались чем-то вроде рыб, медленно плывущих на небольшой глубине; их очертания были неясными, и Артур с Арнольдом уже два раза снижались напрасно, приняв за Сэма Саккера сначала размокшую коробку от телевизора, а потом маленький стог сена, накрытый куском полиэтилена.

— Может, сел на попутку и в Феодосию уехал? — нарушил молчание Артур.

— Может, может, — отвечал Арнольд. — Все может.

— Гляди, — сказал Артур, — не он?

— Нет, — всмотревшись, сказал Арнольд, — не он. Это статуя волейболиста.

— Да нет, дальше, у ларька. Из кустов выходит.

Арнольд увидел крупный предмет, издалика похожий на большой навозный шар. Предмет вывалился из кустов, покачиваясь докатился до скамейки и плюхнулся на нее, вытянув вперед странно тонкие ноги.

— Садимся, — сказал Арнольд.

Через минуту они вышли из-за пустого газетного ларька, оглядели три или четыре метра видимого пространства и сели на лавку по бокам от толстяка. Несомненно, это был Сэм, но от того Сэма, который вчера вечером стоял на балконе пансионата, он отличался очень сильно. Дело было не в увеличившемся животе — эта обычная для комаров трансформация не заслуживала внимания, — а в лице, которое, оставаясь тем же самым, казалось теперь чем-то набитым, но не так, как, например, фаршированный яблоками гусь, а скорее как фаршированное гусем яблоко.

«Черт, — подумал Артур, глядя на спокойный и жутковатый профиль иностранца, — может, ему эту группу крови нельзя? Может, у него аллергия?»

— Еле вас нашли, Сэм, — заговорил Арнольд.

— А чего меня искать, — сказал Сэм, — вот он я. Сами, значит, подрулили.

Говорил он новым, незнакомым голосом, глухим и медленным.

— Где же вы ночевали? — спросил Артур. — Неужели прямо на лавке? Тут ведь места для вас незнакомые, а народ сейчас знаете какой...

Сэм неожиданно повернулся к Артуру и сгреб его за лацканы.

— Что вы, Сэм... — отдирая его руки, зашипел Артур, — пустите! Пустите! На нас люди смотрят!

Это было неправдой — на него и Сэма смотрел только растерянный Арнольд.

— Признайся, блядь, — сурово сказал Сэм, — ведь соешь русскую кровь?

— Сосу, — тихонько ответил Артур.

Сэм высвободил одну руку и чутунными пальцами схватил за шею Арнольда.

— И ты сосешь?

— И я, — потрясенно сознался Арнольд.

Рука давила на плечи Арнольда с такой силой, что он осел под ней, как штангист, попытавшийся взять слишком большой вес, и даже вспомнил про каменную десницу из трагедии Пушкина, которую читал еще личинкой. Сэм погрузился в молчание, как бы обдумывая, что еще сказать.

— Так что ж вы ее сосете-то? — туповато спросил он минуты через три.

— Пить хочется, — жалко сказал Артур. Арнольд не видел его — все заслоняло выпирающее брюхо Сэма, похожее на одинокий красный парус. Арнольд почувствовал обиду за унижение в голосе товарища.

— А что это за намеки такие? — язвительно спросил он. — Мы всякую сосем. Да и вы разве не сосете? Я такие разговоры давно понял. Просто сами высосать хотите до последней капли, и все. Вон брюхо-

то какое. Нам с Артуром за неделю столько не выпить.

Сэм отпустил Артура и потрогал ладонью свой огромный колышущийся живот.

— Вставай, страна огромная, — пробормотал он и с напряжением приподнялся, рукой чуть не размазав Арнольда по скамейке. Запрокинув лицо вверх, он несколько раз коротко глотнул воздух, потом нагнул голову, но, вместо того чтобы чихнуть, как можно было предположить по увертюре, окатил асфальт перед собой струей темно-вишневой рвоты, пахнущей кровью и одеколоном, и его огромный живот уменьшился сразу наполовину.

— Где я? — озираясь, спросил он голосом, уже немного напоминающим голос прежнего Сэма.

— Вы у друзей, — сказал полураздавленный Арнольд, чувствуя, как слабеет сдавившая его плечо рука. — Не волнуйтесь.

Сэм помотал головой и посмотрел на огромную кровавую лужу у себя под ногами.

— Что происходит? — спросил он.

— Понимаете, — заговорил Артур, — произошла техническая ошибка. Попался бракованный экземпляр. Вы не думайте, что все у нас «Русский лес» пьют...

От этих слов глаза Сэма сразу заволокло прежней мутью, и он снова сгреб Артура с Арнольдом.

— А ну пошли, — сказал он.

— Куда это? — испуганно спросил Артур.

— Увидишь. Пить им, сукам, захотелось...

Увлекая за собой слабо сопротивляющихся компаньонов, Сэм сделал несколько монументальных шагов по аллее в сторону набережной, и его снова вырва-

ло, на этот раз намного более основательно. Широкий темный ручей, обдав Артура с Арнольдом небывалым запахом (так могли бы пахнуть, наверное, картонные орхидеи демонстрантов), заструился по асфальтовому уклону. Арнольд почувствовал, что кисть, только что крюком тягача тащившая его за собой, теперь сама цепляется за его шею в поисках опоры.

— Вроде все, — сказал он Артуру, перехватывая руку Сэма. — Проведем его по набережной, пусть отдышится.

— Что это с ним было? — спросил Артур.

— Не очень устойчивая психика, — ответил Арнольд. — Перепил крови и потерял контроль. Что-то вроде транса.

Аллея кончилась, и все трое пошли по набережной. Сэм уже передвигался сам, слегка пошатываясь и поправляя очки, на одном из стекол которых успела появиться трещина.

— Сэм, вы в порядке? — спросил Арнольд.

— Кажется, да, — слабым голосом ответил Сэм.

— Идти сами можете?

— Господа, — сказал Сэм, — прошу меня извинить. Я в ужасе от своего поведения.

— Ерунда какая, — весело сказал Арнольд. — Подумаешь. Мы уж и забыли все.

— Говорил я, — влез Артур, — отдохнуть надо сначала.

— Я извиняюсь, — сказал Сэм, — а где мой портфель?

Арнольд огляделся по сторонам. Кейса нигде не было видно.

— Вот незадача. А что у вас там? Что-нибудь ценное?

— Ничего особенного. Материалы для консервации. Видеокамера. Но как теперь пробы брать?

— Ясно, — сказал Арнольд, — вы его там и забыли. Сейчас вернемся... Ну хорошо, хорошо, Сэм. Понимаю. Я лично слетаю и все выясню.

— Но какой шквал эмоций, — проговорил Сэм, — какой водопад чувств! Поверите, меня чуть не смело.

Артур с Арнольдом бережно усадили худенькое дрожачее тело на лавку и устроились по бокам. Сэм мелко дрожал.

— Успокойтесь, Сэм, — по-матерински зашептал Арнольд, — видите, как вокруг хорошо и тихо. Вон чайки летают, девушки ходят. Вон кораблик плывет. Красота какая, а?

Сэм поднял глаза. Сквозь туман по бетонным плитам набережной уже брели первые утренние отдыхающие. Со стороны столовой долетели два голоса: детский, что-то неразборчиво спросивший, и авторитетный басок, так же неразборчиво что-то ответивший.

Из тумана появился невысокий усатый мужчина в спортивном костюме. Следом плелся мальчик с наполненной чем-то тяжелым пляжной сумкой в руке. Он догнал мужчину и пошел рядом, косясь на Сэма и его спутников. На ногах у мальчика были синие вьетнамки, и он шаркал левой ногой, потому что одна из резиновых тесемок была порвана.

2. ИНИЦИАЦИЯ

— Папа, видел, какие странные дяди? — сказал мальчик, когда лавка осталась позади.

Отец сплюнул на дорогу.

— Пьянь, — сказал он. — Будешь себя так вести, тоже вроде них вырастешь.

Откуда-то в его руках появился кусок слежавшегося навоза. Он кинул его сыну, мальчик еле успел подставить руки. Из отцовских слов было не очень ясно, как надо или не надо себя вести, чтобы вырасти таким, как эти дяди, но едва в ладони шлепнулся теплый навоз, все стало понятно, и мальчик молча опустил папин подарок в сумку.

Из тумана выплыла длинная и узкая палатка, похожая на стоящий на боку спичечный коробок. Внутри за разноцветными сигаретными пачками, парфюмерными флаконами и позорными кооперативными штанами скучала продавщица. За ее спиной дымилось замызганное стекло гриль-машины, в которой жарились белые равнодушные куры. На стене палатки висел динамик, из которого рывками вылетала музыка, словно ее сквозь черную пластмассовую сетку прокачивал невидимый велосипедный насос.

— Простите, а где тут пляж? — спросил отец у продавщицы.

Продавщица высунула руку из окошка и молча указала пальцем в туман.

— Гм... А сколько вон те стаканчики стоят? — спросил отец.

Продавщица тихо ответила.

— Ничего себе, — сказал отец. — Ну давайте.

Он протянул стаканчики сыну, тот положил их в сумку, и они двинулись дальше. Палатка исчезла, а впереди появился небольшой мост. За ним туман оказался еще гуще — ясно был виден только бетон под ногами, и еще по сторонам просвечивали размытые зеленые полосы, похожие не то на огромные стебли травы, не то на деревья. Вместо неба над головой был низкий белый свод тумана, а слева иногда появлялись пустые бетонные емкости для земли с ребристыми стенками — они расширялись кверху и из-за этого напоминали перевернутые пивные пробки.

— Папа, — спросил мальчик, — а из чего состоит туман?

Отец задумался.

— Туман, — сказал он, протягивая сыну несколько маленьких кусочков навоза, — это мельчайшие капельки воды, висающие в воздухе.

— А почему они не падают на землю?

Отец поразмышлял и протянул мальчику еще кусок.

— Потому что они очень маленькие, — сказал он. Мальчик опять не успел заметить, откуда папа взял навоз, и поглядел по сторонам, словно пытаясь разглядеть эти маленькие капельки.

— Мы не заблудимся? — озабоченно спросил он. — Ведь вроде уже должен быть пляж.

Отец не ответил. Он молча шел сквозь туман, и ничего не оставалось делать, кроме как следовать за ним. Мальчику померещилось, что они с отцом ползут у подножия главной елки мира сквозь огромные клочья ваты, изображающей снег, ползут неясно куда, и отец лишь делает вид, что знает дорогу.

— Папа, и куда это мы только идем, идем...

— Чего?

— Так...

Мальчик поднял глаза и увидел сбоку неясное мерцание. В белой мгле нельзя было разобрать, где находится его источник и что это светится — то ли часть тумана совсем рядом сияет голубым огнем, то ли издалека пытается пробиться луч включенного неизвестно кем прожектора.

— Папа, гляди!

Отец поднял глаза и остановился.

— Что это такое?

— Не знаю, — сказал отец, трогаясь дальше. — Наверно, фонарь какой-нибудь забыли погасить.

Мальчик пошел следом, косясь на уплывающий назад свет.

Несколько минут они шли молча; мальчик иногда оглядывался, но света больше не было видно. Зато в голову опять стали приходиться странные, ни на что не похожие мысли, какие в нормальном месте никогда не возникли бы.

— Слышишь, пап, — сказал мальчик, — мне сейчас вдруг показалось, что мы с тобой давно заблудились.

Что мы только думаем, что идем на пляж, а никакого пляжа на самом деле нет. И даже страшно стало...

Отец рассмеялся и потрепал мальчика по голове. Потом в его руках откуда-то появился такой здоровый кусок навоза, что его хватило бы на голову крупной навозной бабы.

— Знаешь, как в народе говорят, — сказал он, передавая кусок сыну, — жизнь прожить — не поле перейти.

Мальчик уклончиво кивнул, с трудом втиснул папин подарок в свою сумку и перехватил ее поудобнее, потому что тонкий полиэтилен ручек уже начал растягиваться.

— А бояться не надо, — сказал отец, — этого не надо... Ты ведь мужчина, солдат. На вот.

Получив новый кусок навоза, мальчик попытался удержать его в руках, но сразу же выронил, а следом на бетон шлепнулась сумка, и там хрустнули, разбившись, стаканы. Мальчик сел на корточки у сумки, из которой при падении вывалилась большая часть навоза, потрогал ее рукой, испуганно поднял глаза на отца, но вместо ожидаемой хмурой гримасы обнаружил на его лице торжественное и немного официальное умиление.

— Вот ты и стал взрослым, — помолчав, сказал отец и вручил сыну новую пригоршню навоза. — Считаю, сегодня твой второй день рождения.

— Почему?

— Теперь ты уже не сможешь нести весь навоз в руках. У тебя теперь будет свой Йа, как у меня и мамы.

— Свой Йа? — спросил мальчик. — А что такое Йа?

— Посмотри сам.

Мальчик внимательно поглядел на отца и вдруг увидел рядом с ним большой полупрозрачный серо-коричневый шар.

— Что это? — испуганно спросил он.

— Это мой Йа, — сказал отец. — И теперь такой же будет у тебя.

— А почему я его раньше не видел?

— Ты был еще маленьким. А сейчас ты вырос достаточно и уже можешь увидеть священный шар сам.

— А почему он такой зыбкий? Из чего он?

— Зыбким, — сказал отец, — тебе шар кажется потому, что ты только что его увидел. Когда привыкнешь, поймешь, что это самая реальная вещь на свете. А состоит он из чистого навоза.

— А-а, — протянул мальчик, — так вот где ты все время навоз брал. А то ты его мне все даешь, даешь, но откуда — непонятно. У тебя его вон сколько, оказывается. А какое ты слово сказал?

— Йа. Это священный египетский слог, которым навозники уже много тысячелетий называют свой шар, — торжественно ответил отец. — Пока твой Йа еще маленький, но постепенно он будет становиться все больше и больше. Часть навоза дадим тебе мы с мамой, а потом ты научишься находить его сам.

Мальчик все еще сидел на корточках, недоверчиво глядя на отца. Отец улыбнулся и чмокнул губами.

— А где я буду находить навоз? — спросил мальчик.

— Вокруг, — сказал отец и указал рукой в туман.

— Но там же никакого навоза нет, папа.

— Наоборот, там один навоз.

— Я не понимаю, — сказал мальчик.

— Держи. Сейчас поймешь. Чтобы все вокруг стало навозом, надо иметь Йа. Тогда весь мир окажется в твоих руках. И ты будешь толкать его вперед.

— Как это можно толкать вперед весь мир?

Отец положил руки на шар и чуть толкнул его вперед.

— Это и есть весь мир, — сказал он.

— Что-то я не понимаю, — сказал мальчик, как это навозный шар может быть всем миром. Или как это весь мир может стать навозным шаром.

— Не все сразу, — сказал отец, — подожди, пока твой Йа станет побольше, тогда поймешь.

— Шарик же маленький.

— Это только так кажется, — сказал отец. — Посмотри, сколько навоза я тебе сегодня дал. А мой Йа от этого совсем не уменьшился.

— Но если это весь мир, то что тогда все остальное?

— Какое остальное?

— Ну, остальное.

Отец терпеливо улыбнулся.

— Я знаю, это сложно понять, — сказал он. — Но, кроме навоза, ничего просто нет. Все, что я вижу вокруг, — отец широким жестом обвел туман, — это на самом деле Йа. И цель жизни — толкать его вперед. Понимаешь? Когда смотришь по сторонам, просто видишь Йа изнутри.

Мальчик наморщился и некоторое время думал. Потом он начал сгребать вывалившийся перед ним навоз ладонями и с удивительной легкостью за несколько минут слепил шар, не особо круглый, но все же несомненный. Шар был высотой точь-в-точь с мальчика, и это показалось ему странным.

— Папа, — сказал он, — ведь только что навоза у меня была всего одна сумка. А здесь его полгрузовика. Откуда он взялся?

— Здесь весь навоз, который мы с мамой дали тебе с рождения, — сказал отец. — Ты его все время нес с собой, просто не видел.

Мальчик оглядел стоящий перед ним шар.

— Значит, теперь надо толкать его вперед?

Отец кивнул головой.

— А все вокруг и есть этот шар?

Отец опять кивнул.

— Но как же я могу одновременно видеть этот шар изнутри и толкать его вперед?

— Сам не знаю, — развел руками отец. — Вот когда вырастешь, станешь философом и всем нам объяснишь.

— Хорошо, — сказал мальчик, — если ничего, кроме навоза, нет, то кто же тогда я? Я-то ведь не из навоза.

— Попробую объяснить, — сказал отец, погружая руки в шар и передавая сыну еще горсть. — Правильно, вот так, вот так, ладошками... Теперь погляди внимательно на свой шар. Это ты и есть.

— Как это так? Я ведь вот, — сказал мальчик и показал на себя большим пальцем.

— Ты неправильно думаешь, — сказал отец. — Ты логически рассуждай. Если ты говоришь про что-то «Йа», то, значит, это ты и есть. Твой Йа и есть ты.

— Мое ты и есть Йа? — переспросил мальчик. — Или твое ты?

— Нет, — сказал отец, — твой Йа и есть ты. Сядь на лавку, успокойся и сам все увидишь.

То, что отец назвал лавкой, было длинным и толстым бревном квадратного сечения, лежащим на границе видимости. Один его торец сильно обгорел — видно, перекинулся огонь из подожженной урны, — и теперь лавка напоминала во много раз увеличенную спичку. Мальчик подкатил свой Йа к лавке, уселся и поглядел на отца.

— А туман не помешает? — спросил он.

— Нет, — ответил отец. — Вон, гляди, уже почти видно. Только больше никуда не смотри.

Мальчик поглядел на папу, недоверчиво пожал плечами и уставился в неровную поверхность своего свежеслепленного шара. Под его взглядом она постепенно разгладилась и даже заблестела. Потом она начала делаться прозрачной, и внутри шара стало заметно движение. Мальчик вздрогнул.

Из глубины шара на него глядела шипастая черная голова с крошечными глазками и мощными челюстями. Шеи не было — голова переходила в твердый черный панцирь, по бокам которого шевелились зазубренные черные лапки.

— Что это такое? — спросил мальчик.

— Это отражение.

— Чего?

— Ну как же так? Ведь только что все понял, а? Давай опять логически. Спроси себя сам — если я вижу перед собой отражение и знаю, что передо мной Йа, что я вижу?

— Себя, наверно, — сказал мальчик.

— Вот, — сказал отец, — понял наконец.

Мальчик задумался.

— Но ведь отражение всегда бывает в чем-то, — сказал он, поднимая взгляд на рогатую и черную папину морду, поблескивающую бусинками глаз.

— Правильно, — сказал отец, — ну и что?

— В чем оно?

— Как в чем? Ну ты даешь. Все же у тебя перед глазами. Конечно, в самом себе, в чем же еще?

Мальчик долго молчал, вглядываясь в навозный шар, а потом закрыл лапками морду.

— Да, — наконец сказал он изменившимся голосом. — Конечно. Понял. Это Йа. Конечно, это же Йа и есть.

— Молодец, — сказал отец, слезая со спички и чуть привставая на четырех задних лапках, чтобы передними ухватиться за свой шар. — Идем дальше.

Туман вокруг достиг такой плотности, что скорее походил на клубы пара в бане, и о движении можно было судить только по медленно уплывающим назад насечкам на бетоне. Через каждые три метра из белого небытия появлялись забитые грязью щели между плитами — в некоторых росла трава. На краях плит были неглубокие выемки с ржавыми железными скобами, предназначенными для крюка подъемного крана. Больше об окружающем мире ничего нельзя было сказать.

— А Йа есть только у навозников? — спросил мальчик.

— Почему? Йа есть у всех насекомых. Собственно говоря, насекомые и есть их Йа. Но только скараabei в состоянии его видеть. И еще скараabei знают, что весь мир — это тоже часть их Йа, поэтому они и говорят, что толкают весь мир перед собой.

— Так что, выходит, все вокруг тоже навозники? Раз у них есть Йа?

— Конечно. Но те навозники, которые про это знают, называются скарабеями. Скарабей — это те, кто несет древнее знание о сущности жизни, — сказал отец и похлопал лапкой по шару.

— А ты скарабей, папа?

— Да.

— А я?

— Еще не совсем, — сказал отец. — Над тобой должно совершиться главное таинство.

— А что это за главное таинство?

— Понимаешь, сынок, — сказал отец, — его природа настолько непостижима, что лучше о ней даже не говорить. Просто подожди, пока это произойдет.

— А долго ждать?

— Не знаю, — сказал отец. — Может, минуту. А может, три года.

Он с выдохом толкнул свой шар дальше и побежал за ним.

Глядя на отца, мальчик старательно копировал все его движения. Отцовские руки при каждом толчке глубоко погружались в навоз, и было непонятно, как это он успевает их вытаскивать.

Мальчик попытался так же глубоко погрузить руки в шар, и с третьей попытки это удалось — для этого просто надо было сложить пальцы щепоткой. Поворачиваясь, шар утаскивал за собой руки, и выскочить они успевали только тогда, когда казалось, что ноги вот-вот оторвутся от земли. «А что, если еще глубже?» — подумал мальчик и изо всех сил воткнул руки в навоз. Шар покатился вперед, ноги мальчика оторвались от

земли, и сердце екнуло, словно он первый раз в жизни делал «солнышко» на качелях. Он взлетел вверх, замер на миг в полуденной точке и понесся вниз вместе с накатывающейся на бетон навозной сферой. Падая, он понял, что шар сейчас проедет по нему, но даже не успел испугаться. Наступила тьма, а когда мальчик пришел в себя, его уже поднимала вверх та самая навозная полусфера, которая только что придавила его к бетону.

— Доброе утро, — слышался папин голос. — Как спалось?

— Что же это такое, папа? — спросил мальчик, пытаясь перебороть головокружение.

— Это жизнь, сынок, — ответил отец.

Поглядев в его сторону, мальчик увидел серо-коричневый шар, катящийся вперед сквозь белую мглу. Папы нигде не было — но, приглядевшись, мальчик заметил на поверхности навоза размазанный нечеткий силуэт, который крутился вместе с шаром. В этом силуэте можно было выделить туловище, руки, ноги и даже два глаза, взгляд которых был устремлен одновременно и внутрь шара, и наружу. Эти глаза печально смотрели на мальчика.

— Молчи, сынок, молчи. Яа знаю, что ты спросишь. Да. Со всеми происходит именно это. Мы, скарабеи, просто единственные, кто это видит.

— Папа, — спросил маленький шар, — а почему же Яа раньше думал, что ты идешь за своим шаром и толкаешь его вперед?

— А это потому, сынок, что ты был еще маленький.

— И всю жизнь так, башкой о бетон...

— Но все-таки жизнь прекрасна, — с легкой угрозой сказал отец. — Спокойной ночи.

Мальчик глянул вперед и увидел наезжающую на глаза бетонную плиту.

– Доброе утро, – сказал большой шар, когда тьма рассеялась, – как настроение?

– Никак, – ответил маленький.

– А ты старайся, чтобы оно у тебя было хорошее. Ты молодой, здоровый – о чем тебе грустить? То ли де...

Большой шар вздрогнул и замолчал.

– Ты ничего не слышишь? – спросил он у маленького.

– Ничего, – ответил тот. – А что Йа должен слышать?

– Да вроде... Нет, показалось, – сказал большой шар. – О чем Йа говорил?

– О настроении.

– Да. Ведь мы сами создаем себе настроение и все остальное. И надо стремиться, чтобы... Опять.

– Что? – спросил маленький.

– Шаги. Не слышишь?

– Нет, не слышу. Где?

– Впереди, – ответил большой шар, – как будто слон бежит.

– Это тебе кажется, – сказал маленький. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – вздохнул большой. – Может, и кажется. Ты знаешь, Йа ведь старый уже. Здоровье шалит. Иногда утром проснусь и думаю – вот так буду где-нибудь катиться и...

– Почему, – сказал маленький, – вовсе ты не старый.

— Старый, старый, — с грустью отозвался большой. — Скоро тебе уже придется обо мне заботиться. А ты небось не захочешь...

— Как не захочу? Захочу.

— Это ты сейчас так думаешь. А потом у тебя своя жизнь начнется, и... Вот опять.

— Что опять? — нетерпеливо спросил маленький шар.

— Шаги. Ой... А теперь колокол бьет. Не слышишь? Большой шар остановился.

— Покатили вперед, — сказал маленький шар.

— Нет, — сказал большой, — ты катись, а Йа тебя догоню.

— Ладно, — согласился маленький и исчез в тумане.

Большой шар оставался на месте. Никаких шагов больше слышно не было, и он медленно тронулся вперед.

— Сынок! — крикнул он. — Эй! Ты где?

— Йа здесь, — ответил голос из тумана. — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

— Доброе утро!

— Доброе утро! — крикнул большой шар, покатился в сторону, откуда долетел ответ, и двигался довольно долго, пока не стало ясно, что они с сыном разминулись.

— Эй! — крикнул он снова. — Ты где?

— Йа здесь.

На этот раз голос долетел издалека и слева. Большой шар двинулся было туда, но сразу же испуганно замер. Впереди раздался громopodobный удар, такой сильный, что даже бетон под ногами мелко задрожал.

Следующий удар раздался ближе, и навозный шар увидел огромную красную туфлю с острым каблуком, врезавшимся в бетон в нескольких метрах впереди.

– Папа! Йа теперь тоже слышу шаги! Что это? – долетел далекий голос сына.

– Сынок! – отчаянно прокричал отец.

– Папа!

Мальчик закричал от страха и поднял взгляд. Над его головой мелькнула тень, и на миг ему показалось, что он видит красную туфлю с темным пятном на подошве, уносящуюся в небо, и еще показалось, что в невероятной высоте, куда взмыла туфля, возник силуэт огромной расправившей крылья птицы. Мальчик с трудом отлепил руки от навозного шара и кинулся к месту, откуда последний раз долетел отцовский голос. Через несколько шагов он наткнулся на большое темное пятно на асфальте, поскользнулся и чуть не упал.

– Папа, – тихо сказал он.

Видеть то, что осталось от папы, было слишком тяжело, и он, постепенно понимая, что произошло, побрел назад к своему шару. Перед его глазами встала добрая папина морда со страшными только на вид хитиновыми рогами и полными любви бусинками глаз, и он заплакал. Потом он вспомнил, как папа, протягивая ему кусок навоза, говорил, что слезами горю не можешь, и перестал плакать.

«Папина душа полетела на небо, – подумал он, вспомнив быстро уносящееся вверх пятно на огромной подошве, – и я уже ничем не смогу ему помочь».

Он поднял взгляд на шар, удивился, каким тот стал большим за последнее время, потом посмотрел на

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

свои руки и со вздохом положил их на теплую податливую поверхность навоза. Поглядев последний раз туда, где оборвалась папина жизнь (ничего, кроме тумана, видно уже не было), он толкнул Йа вперед.

Шар был таким массивным, что требовал всего внимания и всей силы, и мальчик полностью погрузился в свой нелегкий труд. В его голове мелькали смутные мысли — сначала о судьбе, потом о папе, потом о себе самом, — и скоро он принововился, и уже не надо было толкать шар, достаточно было просто бежать вслед за ним на тонких черных лапках, чуть приподняв морду, чтобы длинный хитиновый вырост на нижней челюсти не цеплял за шар. А еще через несколько шагов лапки достаточно глубоко увязли в навозе, шар поднял мальчика, обрушил на бетон, и жизнь вошла в свое русло, по которому шар и покатился вперед.

Бетонная плита наезжала на глаза, и наступала тьма, а когда появлялся свет, оставалась только слабая память о том, что минуту назад снилось что-то очень хорошее.

«Йа вырасту большой, женюсь, у меня будут дети, и Йа научу их всему, чему меня научил папа. И Йа буду с ними таким же добрым, каким он был со мной, а когда Йа стану старым, они будут обо мне заботиться, и все мы проживем долгую счастливую жизнь», — думал он, просыпаясь и поднимаясь по плавной окружности навстречу новому дню движения сквозь холодный туман по направлению к пляжу.